

«ОН БЫЛ НАСТОЯЩИМ ПРОФЕССИОНАЛОМ...»

Сергей Алексеевич Шадрин (1951-2006) принадлежит к числу немногих людей, чья деятельность в большой степени определила развитие петербургской реставрационной школы. Его вклад в обновление методологической базы и изменение подходов к сохранению и возрождению памятников огромен. Трудно поверить, что столь масштабная работа оказалась по силам одному человеку, прожившему к тому же не самую долгую жизнь.

— Сергей Алексеевич — это тот уникальный человек, который методологически отработал подходы к реставрации архитектурных памятников, — говорит о Шадрине его коллега и друг, главный специалист отдела технологий ремонтно-реставрационных работ Управления экспертиз и реставрационных программ КГИОП С. Г. Тучинский. — Ведь до начала 1990-х годов реставрации фасадов у нас практически не было. То, что делалось — это была не реставрация. И колоссальная заслуга Сергея Алексеевича в том, что именно он обосновал подходы к работам с памятниками: что допустимо, что нет...

В профессию Шадрин пришел в начале семидесятых, сразу же после института приступив к работе в Ленинградских областных научно-реставрационных производственных мастерских. На их базе вскоре был создан Ленинградский филиал московского института «Спецпроектреставрация». Впоследствии Сергей Алексеевич ни разу не сменил место работы — вся его профессиональная биография оказалась связанной с этой организацией.

— В семидесятые мы занимались преимущественно исследованием памятников древнерусского зодчества: Старая Ладога, Ивангород, Тихвин, Новгород, — рассказывает А. Е. Амосова, еще одна коллега С. А. Шадрина, более тридцати лет проработавшая у него в отделе. — Он тогда активно интересовался датировкой старых растворов — анализировал состав материалов, использованных при строительстве того или иного памятника, и увязывал полученную информацию со временем создания архитектурного сооружения...

Другой важной темой, живо интересовавшей Шадрина в 1970-80-е годы, стал натуральный камень. По воспоминаниям нашей собеседницы,

проблематикой, связанной с его реставрацией, на тот момент мало кто занимался. Движимые шадринской энергией и зараженные его исследовательским азартом, сотрудники отдела брались за самые серьезные изыскания по подбору композиций на синтетической основе, оптимальных для выполнения консервационных и реставрационных мероприятий применительно к разным видам природного камня. В результате был определен ряд составов, способных решить многие проблемы практического свойства. Однако впоследствии основное внимание Шадрин сосредоточил на поиске уже не синтетических, а минеральных материалов для консервации натурального камня.

— У него был незаурядный талант ученого, — продолжает Алла Евгеньевна. — Один из важнейших признаков этого — умение видеть проблему в развитии, в перспективе. Шадрин словно бы предчувствовал, что будет необходимо реставрации не только завтра, но и в ближайшие десятилетия.

Да и тот самый поворот к использованию известковых растворов при реставрации петербургских фасадов, произошедший на рубеже XX-XXI вв. почти полностью является заслугой Сергея Алексеевича. С появлением цемента традиционные штукатурные смеси в нашей стране были забыты на долгие годы — на стены повсеместно стали наносить цемент как материал, гораздо более прочный. Впрочем, это являлось его единственным достоинством в сравнении со штукатуркой. Не пропуская влагу и губительно влияя на закупоренную под ним кирпичную кладку, цементные составы успели нанести немалый урон памятникам архитектуры, в то время как ничего лучше исторических растворов на основе извести,

обладающих высокой паропроницаемостью и позволяющих фасаду «дышать», так и не было предложено.

В ситуации, когда было свернуто производство известковых штукатурок, технологи вообще прекратили ими заниматься, а на реставрационных площадках разучились их готовить, Шадрину, по словам Сергея Георгиевича Тучинского, пришлось стать буквально пионером возрождения проверенных веками технологий и взвалить на себя поистине титанический труд. Необходимость решения такой задачи на тот период вовсе не была очевидной, поскольку и у нас в городе, и в стране вообще отсутствовало представление о губительном воздействии цемента на произведения архитектурного искусства. Потребовалось вести работу на всех уровнях: обновлять и прописывать методики, правильным образом организовать производство материалов, бороться с чиновниками, отстаивая новый подход к реставрации, обучать производственников, преодолевая их консерватизм. Решение всех этих проблем обеспечивала неутомимая энергия Сергея Алексеевича. И ведь именно благодаря ему получила жизнь целая индустрия по производству известковых растворов, на котором сейчас специализируются сразу несколько петербургских фирм, тогда как в девяностые

С. Шадрин на обследовании Тайничной башни в Ладужской крепости и реставрации растворного пола в Старой Ладоге

С. Шадрин на реставрации Мраморного дворца и с коллегами у входа в замок Шартр (Франция)

приходилось использовать только зарубежные материалы.

— Шадрин был настоящим профессионалом, — вспоминает Тучинский, — И при этом никогда не скрывал своих знаний и опыта, с готовностью делился ими. Технолог редкого профессионального уровня, он, помимо строгого научного мышления, обладал еще одним свойством, и очень важным: реставрационный подход был у него, что называется, в крови. На первом этапе работ, этапе разработки методологии, когда еще только определялся подход к объекту, всякий раз первым его предложением было сохранение. Сергей Алексеевич всегда исходил из интересов памятника. Очень важно и то, что методологию он выстраивал мотивированно и любой свой шаг основывал на колоссальном объеме лабораторных исследований — по подбору составов, проверке их долговечности... За всем этим стояли огромная работоспособность и, конечно же, ум. Будучи человеком интеллектуально одаренным и тактичным, тот вовсе не выглядел «зашоренным» представителем науки, да и на объектах никогда не стеснялся орудовать мастерком или кистью. Руки у Сергея были очень хорошие, и он лучше кого либо еще понимал: если сам не испробуешь технологию, понять все ее нюансы будет очень тяжело.

Знавшие С. А. Шадрина вспоминают его энциклопедическую образованность и постоянную открытость к общению, готовность делиться знаниями с коллегами по цеху. И конечно — беспримерное обаяние, позволявшее ему увлекать за собой.

— Блеск эрудиции, знания — все это привлекало к нему людей, — говорит председатель Союза реставраторов Санкт-Петербурга Нина Николаевна Шангина. — Важную роль здесь также играл природный артистизм в сочетании с прекрасным чувством юмора. Появление Сергея Алексеевича на строительных лесах всегда превращалось в настоящий праздник. Обладая красивой внешностью с ярко выраженными славянскими чертами, он порой говорил рабочим: «Будьте бережны, здесь работали ваши предки», и такие слова из его уст звучали очень убедительно.

— Этот человек поражал своей работоспособностью, — вспоминает директор компании

СЗДК Александр Феликсович Гринцевич. — Даже не знаю, когда он спал. В городе одновременно велось множество реставрационных работ, и у всех производственников то и дело появлялись к Шадрину какие-то вопросы. Тот приезжал на площадки, смотрел — и каждый раз очень быстро, буквально в течение нескольких дней, предлагал готовое решение проблемы. Думаю, если сейчас собрать воедино все его записи по разным объектам, получится гигантский аналитический труд о технологиях реставрации, ценность которого огромна.

В Санкт-Петербурге трудно отыскать памятник, которым в свое время не занимался бы Сергей Алексеевич Шадрин. Среди самых крупных его работ стоит назвать консервацию памятников деревянного зодчества на острове Кизи, реставрации в Павловске, Ораниенбауме, Старой Ладоге, Петергофе, воссоздание Янтарной комнаты Екатерининского дворца, Смольный, Исаакиевский и Сампсониевский соборы, Петропавловскую крепость, Мраморный, Строгановский и Воронцовский дворцы, Адмиралтейство...

Одним из любимых объектов Сергея Алексеевича были Ростральные колонны, и в частности, проведенная в 1999 г. реставрация знаменитых фигур, символизирующих русские реки. Эти скульптуры были изготовлены из пудостского известняка, но, к сожалению, при их создании не учитывались специфические свойства хрупкого и нежного камня. Кроме того, процесс его деструкции усиливался по причине многочисленных подновлений, проводившихся с применением плотных мастиковок на основе цемента и масляных красок. Благодаря использованию совершенно новой методики реставрации предложения о демонтаже скульптур и замене их копиями из строительного раствора удалось снять с повестки дня.

Еще одной значимой для героя этой статьи работой явилась реставрация Каталной горки в Ораниенбауме. Сложнее всего там решался вопрос о укреплении и стабилизацией штукатурки под живописью. Чтобы сохранить росписи, нанесенные на гипсовую обмазку, которая крепилась поверх штукатурного слоя, разрушившегося до пылеобразного состояния, Сергей Алексеевич занялся разработкой уникаль-

ной технологии и вновь блестяще справился с этой задачей. Подобных примеров — сотни. Шадрин прекрасно понимал, что у технолога реставрации не бывает типовых задач: каждый памятник уникален, и столь же уникально протекают «болезни» каждого из них. Решение проблемы всякий раз предполагает и скрупулезный научный поиск, и готовность отвечать за принятое решение.

— В реставрации очень важно уметь брать на себя ответственность, и он это делал так часто, как никто другой, — отмечает Н. Н. Шангина. — У Сергея Алексеевича Шадрина имелось для этого достаточно мужества. Мне кажется, именно такие люди — умные, твердые в решениях и поступках, фанатично преданные своему делу — основа России.

Все, кто работал с этим особенным человеком, сходятся в одном мнении: он задавал слишком высокую планку, практически недостижимую, и специалиста, равного ему, в городе не было и нет. Его личность играла слишком большую роль для петербургской реставрации, и после ухода Шадрина образовалась пустота, вакуум, заполнить который невозможно.

